

АЛЕКСЕЙ
ПИСЕМСКИЙ

ВИНОВАТА ЛИ
ОНА?

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
П34

Писемский, А.Ф.

П34 Виновата ли она? / А.Ф. Писемский. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 190 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-65988-8

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Алексея Феофилактовича Писемского «Виновата ли она?».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-65988-8

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВИНОВАТА ЛИ ОНА?.....	5
ПЛОТНИЧЬЯ АРТЕЛЬ	116

ВИНОВАТА ЛИ ОНА?

I

Мне было двадцать два года. Я перешел на четвертый курс математического отделения¹. Освоившись с факультетом, мне очень легко стало заниматься, свободного времени начало у меня оставаться очень довольно, но куда его девать и чем наполнить даже в многолюдной Москве небогатому и одинокому студенту? Я жил один, знакомых не имел никакого, и единственным моим развлечением было часа по два, по три ходить по Тверскому бульвару и бог знает чего не передумать. Однажды я встретил молодого человека, который прямо обратился ко мне с вопросом:

— Не знаете ли кого-нибудь из ваших товарищей, кто бы приготовил меня в университет?

Я посмотрел на него пристально; на вид ему было лет осьмнадцать, одет он был небрежно, в приемах его видна была беспечность. Лицо выразительно и с глубоким оттенком меланхолии.

— Если вам угодно, я могу это взять на себя, — отвечал я.

— Пожалуйста, мне надообно приготовиться из математики. Вы какого факультета?

¹ Московского университета (*Прим. автора.*).

— Математик.

— Это хорошо, а вы почем возьмете за урок?

Этот прямой вопрос меня сконфузил.

— Обыкновенную цену — рубль серебром, — отвечал я.
Молодой человек подумал.

— Хорошо, это я могу дать. Ваша фамилия? — проговорил он.

Я сказал, он мне назвал свою, дал адрес квартиры и просил прийти на другой день в семь часов вечера.

— Вы живете одни или с семейством? — спросил я.

— С матерью, есть и сестры, — отвечал он.

Мы расстались.

Я возвратился домой очень довольный этой встречей, мне давно хотелось иметь урок — не для денег, которых хотя было у меня и немного, но доставало на мои умеренные желания, но мне желалось учить, хотелось иметь право передавать другому свои знания, убеждения, а того и другого было в моей голове довольно в запасе.

На другой день я отправился еще за полчаса до назначенного срока. Дом, который отыскал по адресу, был барской; стоял он на дворе, по бокам тянулись огромные каменные прислуги, кругом почти целый квартал обхватывала железная решетка. Я долго путался в огромных сенях, наконец вошел в бельэтаже в главные двери. Лакей в ливрее на вопрос мой: «Здесь ли живет Леонид Николаич Ваньковский?» — отвечал довольно грубо: «Ступайте на самый верх, направо». Наверху в передней я никого не нашел, в зале тоже; из соседней комнаты слышался разговор, я начал кашлять, выглянула молодая девушка. Я поклонился ей.

— Вам, верно, брата Леонида нужно? — проговорила она и ушла назад.

Чрез несколько минут вышел мой ученик.

— Bon soir¹, пойдемте в кабинет, — проговорил он, подавая мне руку.

Мы вошли в довольно большую комнату, которая, видно, действительно была некогда богатым кабинетом, но в настоящее время представляла страшный беспорядок: стены под мрамор в некоторых местах были безбожно исколочены гвоздями, в углу стоял красивый, но с изломанною переднею решеткою камин, на картине масляной работы висела шинель. Хозяин спал на кушетке, на которой еще лежали неубранные простыни и подушки. Мягкая мебель, обитая бархатом, была переломана и изорвана. На огромном красного дерева столе лежали кипами бумаги, книги и ноты. Мы сели около этого стола.

— С чего же мы начнем? — заговорил я серьезным тоном наставника.

— С чего хотите, — отвечал ученик небрежно.

— Я желал бы, — продолжал я в том же тоне, — прежде испытать, в какой мере вы знакомы с математикою, и просил бы позволить мне проэкзаменовать вас.

— Хорошо.

— Первую часть арифметики, вероятно, вы знаете?

— Знаю.

— А вторую?

— Кажется, знаю; впрочем, может быть, и забыл.

¹ Bon soir (*фр.*) — добрый вечер.

Я взял лист бумаги и хотел написать задачу, но оказалось, что из дюжины торчавших в чернильнице перьев ни одно не писало, да и чернил почти не было.

— У вас перья не совсем в порядке, — заметил я.

— Да; я сам не умею чинить; вот вам карандаш, — отвечал ученик, поднимая с полу карандаш и подавая мне его.

Для первого испытания я задал ему сложение десятичных дробей; он взял и положил с какою-то насмешливою улыбкою лист перед собою, подумал немного, провел несколько линий карандашом по бумаге и, отодвинув ее от себя, проговорил:

— Нет, не знаю, позабыл.

Я задал ему сложение простых дробей, но он и в тех спутался; потом об алгебре признался, что совсем ее не знает, а геометрии немного. Я принял экзаменовать его в геометрии, на поверку вышло, что и в геометрии нуль. Я нахмурился.

— Вы очень слабы в математике; с вами надобно проходить с начала, сказал я.

— Лучше с начала, а то я все перезабыл.

— Стало быть, мы начнем со второй части арифметики, — решил я.

Ваньковский в знак согласия кивнул головой. Я был убежден, что с ним следовало бы начать с первой части арифметики, но высказать ему это мне на первый раз было совестно.

В продолжение часа я толковал с увлечением, и в то время, как окончательно хотел объяснить прием деления дробей, ученик мой во все горло зевнул и спросил меня:

— Вы курите?

Мне сделалось стыдно за себя и досадно на него.

— Курю, — отвечал я.

— Хотите трубку или сигару?

— Позвольте трубку.

Леонид встал, наложил мне сам трубку, а себе закурил сигару, и когда я хотел снова обратиться к толкованию, он сказал:

— Будет, больше часа прошло, не хочется что-то сегодня. Я покал плечами.

— Вам надобно очень много заниматься, чтобы выдержать экзамен, произнес я с ударением.

— Займусь, — я хочу на юридический.

— Все равно; надобно выдержать экзамен из всех предметов, — отвечал я.

— Что тебе, Лида? — спросил Леонид, обращаясь к дверям.

— Вы здесь будете пить чай или туда придете? — раздался женский голос.

Я обернулся; это была прежняя девушка.

— Туда придем, — отвечал Леонид.

Девушка скрылась. Я взялся за фуражку.

— Куда же вы? Посидите, пойдемте, я познакомлю вас с нашими.

Я положил фуражку; он провел меня в гостиную. В больших креслах сидела высокая худощавая дама лет сорока пяти, рядом с нею помещался, должно быть, какой-нибудь помещик, маленький, толстенький, совсем белокурый, с жиденькими, сильно нафабренными усами, закрученными вверх, с лицом одутловатым и подозрительно красным. Лидия разливала чай, около нее сидели чопорно на высоких детских креслах две маленькие девочки.

АЛЕКСЕЙ ПИСЕМСКИЙ

Ученик мой подвел меня к dame и отрекомендовал. «Матушка моя», отнесся он ко мне.

Госпожа Ваньковская кивнула мне слегка головою и, проговоря с обязательно улыбкою: «Очень приятно познакомиться», указала мне глазами на ближайший стул.

Я сел.

— Вы давно в университете? — спросила она меня.

— Четвертый год.

— Имеете батюшку, матушку?

— Имею-с мать.

— Как, я думаю, ей приятно, что вы в университете, я это сужу по себе: мне очень хочется, чтобы Леонид поступил поскорей в студенты, — проговорила г-жа Ваньковская. — Он, я думаю, ничего не знает, — прибавила она, взглянув на сына.

Леонид ничего на это не возражал, а только нахмурился и сел за чайный стол около сестры.

— Это не так трудно: если зайдется, так скоро приготовится, — отвечал я.

— Вы, пожалуйста, будьте с ним построже; у него прекрасные способности, только он очень ленив: это говорили все его учителя, — сказала г-жа Ваньковская и, найдя, конечно, что достаточно обласкала меня, обратилась к помещику:

— Какие у вас прекрасные лошадки, Иван Кузьмич, я всегда ими любуюсь.

— Очень приятно слышать, — отвечал тот.

— Премиленькие, небольшие, а очень красивенькие.

— Вятки-с.

— А, так это вятки! Я и не знала.